

Было много вещей, которых Энакин не знал о своей матери и никогда не узнает.

Но он знал, что она выбрала свое имя и его. Однажды он отвернулся от этого имени, когда все воспоминания, которые оно олицетворяло, были слишком невыносимы, и человек, которым он был, ненавидел человека, которым он стал.

Возвращаться к этому было тяжело. Оставить его и взять еще один, другой псевдоним было необходимо.

Он знал, что она поймет, почему он не может дать своим собственным детям, ее внукам, имя, которое она дала ему. Это было слишком опасно, потому что оно было слишком знаменитым.

Но все же, когда родились его дети и их имена были записаны в осалланских регистрах как Люк и Лея Аголерга, рожденные Сетом и Вере Аголерга, он чувствовал себя виноватым. Это была его вина, что имя Скайуокера, которым она так гордилась, пришлось похоронить.

Это всего лишь имя, сказал он себе. Но он знал лучше. Это никогда не было просто именем. Так всегда звали его мать. Вейдер не мог вынести имени своей матери. Энакин хотел бы, чтобы он все еще мог.

Когда близнецы родились, был самый темный час раннего утра, как раз перед тем, как солнце поднялось над горами за их новым домом.

Они были на два месяца раньше срока, и низкий, устойчивый страх пронизывал дом. Это стало трудной беременностью, которая вынудила Падме лечь в постель и превратила последний месяц в нелегкую игру в ожидание. Не было ничего необычного в том, что близнецы рождались рано, на самом деле совсем наоборот, и чем раньше они рождались, тем меньше шансов, что оба выживут. На Корусканте были способы избежать всего этого—инкубационные трубки, лекарства и современные медицинские дроиды. Но они были не на Корусканте.

Падме сопровождала акушерка по имени Суолан, которая привела с собой своих меддройдов. На Корусканте было бы принято отправляться в медицинский центр, но на Набу и Осаллао было традицией рожать дома. Спальня была превращена в мини-медцентр, и акушерка спокойно наблюдала, как ее дроиды перемещают все, что им понадобится, на место.

Она ухаживала за Падме с тех пор, как Скайуокеры прибыли в Брилден примерно месяц назад, и Энакин хотел доверять ей. Она была самой лучшей, самой компетентной, самой доброй... Все, кого он спрашивал, соглашались с этими фактами. Иди с Сооланом, ты не пожалеешь об этом.

Однако он все еще питал всевозможные иррациональные страхи по поводу нее. Она была осалланкой, как много она могла знать о человеческой беременности? Если она была такой замечательной, почему она не брала больше кредитов за свои услуги? Она была тайным агентом Императора и могла убить или похитить близнецов. И более.

Именно его страх и тревога излучались через Силу, и именно его буря эмоций привела Оби-Вана Кеноби с гор. Энакин думал, что он не хотел, чтобы его старый учитель был рядом, когда придет время, потому что он не хотел отвлекаться на подозрения Оби-Вана, ожидающего, чтобы сбежать с детьми и доставить их туда, где скрывался Йода. Но было что-то неожиданно не приводящее в бешенство в том, что Оби-Ван стоял в углу, поглаживая бороду и наблюдая, как расхаживает Энакин.

Возможно, все эти медитации в его пещере окупались. Оби-Ван излучал спокойствие и сострадание таким образом, что Энакин едва мог вспомнить.

Оби-Ван держался на почтительном расстоянии, держась в гостиной, в то время как Энакин входил и выходил из спальни. Иногда Энакин становился на колени у кровати и держал Падме за руку, но в других случаях он не мог доверять себе, чтобы оставаться там, слушая ее крики, не заставляя окна трескаться и предметы в комнате беспокойно танцевать. Иногда ему просто нужно было продолжать двигаться, несмотря на взгляды Соолан и ее напоминания о том, что ему нужно сохранять спокойствие ради Падме.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1434825>